



Александра Киселева

Коллекции

Александра Киселева

Коллекции

«Автор»

2025

Киселева А. С.

Коллекции / А. С. Киселева — «Автор», 2025

Книга представляет из себя приключенческий детектив. Действия происходят в двух временных пластах. Основная фабула сюжета в утраченной коллекции итальянского диктатора и поисках этой коллекции несколькими персонажами этой истории. Часть коллекции появляется в наше время на известном немецком аукционе и поражает своими художественными достоинствами. Это и итальянский маньеризм (Караваджо) и русский авангард (Гончарова Н.). В романе участвуют русские банкир и журналист и сын диктатора - музыкант. В романе также действует мистический орден иезуитов.

© Киселева А. С., 2025

© Автор, 2025

Александра Киселева

Коллекции

Синописис

Роман «Коллекции» является по своей сути остросюжетным приключенческим детективом. Действия происходят в двух исторических плоскостях – время собирания коллекции итальянским диктатором и, действия с его картинами в наше время. Коллекции пропадают, за ними охотятся. Судьба сталкивает различных людей, среди которых банкир, журналист, дизайнер, музыканты, иезуиты. Книга предназначена как для любителей детективов, так и для знатоков и любителей искусства. При написании романа использовались исторические сведения и материалы аукционов живописи.

Глава 1 Лондон Банкир

Острое ощущение утраты. Что-то важное, невосполнимое исчезало из жизни. Эти чувства охватили банкира в самолете на пути к Лондону. Боль была в висок. Он закрывал глаза, и перед ним вставали огромные чёрные горы. Внезапно самолет накренился и стал медленно уходить куда-то вниз, потом все быстрее и быстрее. При напряженной, какой-то зловещей тишине раздался тихий детский плач. Потом все стали кричать и плакать. «Господи, мы, наверное, умрем. Зачем же, зачем так быстро.» – Банкир хотел прочитать молитву, но все забыл и, он в ужасе ждал конца. Его бросило в жар, затем стали ледяными ноги. Но самолет вдруг выровнялся, поднялся и стал продолжать полет. Люди, только что перенесшие такое, сидели в оцепенении.

Дмитрий немного успокоился уже в отеле. Поспешное бегство из России уничтожило последние силы банкира. Его пока ни в чем не обвиняли, но он предполагал, что это может произойти в любой момент, и тогда отъезд будет уже невозможен. Наспех были собраны чемоданы, он побросал в них все, что попало под руку, взял с собой две картины. Это все, с чем он приехал в Лондон. Он выбрал небольшой пятизвездочный отель рядом с Паддингтонским вокзалом. Место тихое, но одновременно недалеко от Гайд-парка и центра города.

Ему достался номер, обшитый деревянными панелями с отличной огромной ванной комнатой. Дмитрий в задумчивости крутил кран то с холодной водой, то с горячей. «Вот она великая Англия» – думал он. Общего крана для воды не было. Этот вопрос совершенно не интересовал его. Просто было удивительно. Он долго сидел в кресле, уставившись в одну точку. Вот так, в один миг, он потерял все. Внезапно Дмитрий встал и, поддавшись минутному порыву, вышел из номера. Спустившись по лестнице в холл, он покинул гостиницу. Шел быстрым шагом, вокруг мелькали белые двухэтажные дома старой постройки, свернув налево он оказался перед зданием вокзала. Спокойствие вдруг наполнило душу. Он вспомнил Конан-Дойля – любимого писателя детства. Как часто Шерлок Холмс уезжал куда-то с Паддингтонского вокзала, встречался с кем-то у этого вокзала.

Здание вокзала было почти полностью перестроено: металл, стекло, но кое-где угадывались старые формы английского модерна. Он вспомнил, что когда-то читал, вокзал был построен в стиле ранней индустриальной архитектуры архитектором Брюнелем еще в XIX веке.

Дмитрий улыбнулся, пришел в себя и обнаружил, что держит в руках узкий кофр с двумя картинами. Банкир удивился себе, внезапная боль утраченного отозвалась вязким комком в горле. Он сел на скамейку и огляделся. Вокзал сиял чистотой, публики в это время было почему-то мало. Скамейка стояла рядом с кассами.

Банкир обратил внимание на объявление о билетах первого класса. Цена на них было в два раза больше, чем на обычные билеты «Вот как ездит аристократия и влиятельные лица в Англии» – подумал Дмитрий – «А также банкиры» – подсказало ему приятно удивленное самолюбие. Банкир встал, прошелся по вокзалу. Все дышало комфортом и отличалось какой-то особой ухоженностью, даже палатка с дешевыми сэндвичами. Дмитрий зашел во французское кафе, которое расположилось неподалёку и сделал заказ.

Очень быстро ему принесли омлет, дымящийся кофе и горячие круассаны. Доедая омлет, банкир решил почему-то отвезти кофр с картинами к одной знакомой балерине, которая, получив ангажемент, уже четыре года жила в Лондоне.

Он вышел из здания вокзала и поехал к Амалии.

Глава 2 Амалия Аукцион

А в это самое время Амалия собиралась со своей племянницей на аукцион. Балерина жила в собственной квартире в Южном Кенсингтоне, одном из достаточно престижных районов Лондона. По её просьбе ей было выплачено вознаграждение за три года вперед. Что позволило ей сразу купить четырехкомнатную квартиру в хорошем старом доме.

«Ковент-Гарден» – знаменитый столичный театр, где танцевала Амалия, сделал для нее и только для нее исключение, выполнив ее просьбу. Балетные спектакли с Амалией Павловой собирали аншлаги. Билеты на спектакли с её участием были раскуплены на два месяца вперед. Амалия вспомнила неприятность, которая случилась совсем недавно. «Она выглядит отвратительно, эта русская балерина» – шептались две девушки из кордебалета, вернее даже одна высокая худая блондинка говорила это короткостриженной симпатичной брюнетке. Девушки с плохо скрытой ненавистью смотрели на проходящую мимо Амалию. «Завидуют» – равнодушно подумала балерина, проходя к себе в гримёрку.

Одев костюм, она взяла в руки балетные тапочки. И уже занесла ногу, чтобы одеть пуанты, как в это самое время зазвонил телефон. Амалия положила тапочек на гримёрный столик и поговорив три минуты, взяла пуант опять. Он показался ей слегка тяжеловатым. Она тряхнула балетной обувью, что было силы, оттуда вдруг посыпались мелкие и крупные стекла. Их было достаточно много. Практически, если бы она одела «балетку» сразу, танцевать она не смогла бы длительное время. При воспоминании на эту неприятную тему, Амалия подумала – «Страшно представить, на что способна человеческая зависть». Итак, Амалия собиралась вместе с племянницей на аукцион, где продавались плюшевые «мишки-тедди».

Она долго объясняла 8-летней дочери своего родного брата, почему эти медведи называются «мишки-тедди». О том, что согласно легенде, президент США Теодор Рузвельт пожалел на охоте медвежонка, и не стал в него стрелять. С тех пор стали делать плюшевых медвежат определенной формы. И раз в год в Лондоне проводится аукцион, где «принимают участие» исторические и современные «медведи-тедди». «Еще, хочу еще» – яростно шептал детский голос. Амалия купила уже двух медведей, но девочка страстно настаивала на ещё одной игрушке.

Балерина подумала, что надо бы в воспитательных целях отказать племяннице, но сдавалась и купила третьего «мишку», за которого она почему-то сражалась на торгах с одним пожилым коллекционером. «Зачем тебе «медведь», ты же старый» – вдруг по-русски закричала девочка. Коллекционер побагровел и ответил на чистом русском языке – «Какая невоспитанная девочка».

И посмотрев на Амалию добавил зло: «Невоспитанная девочка у известной Амалии Павловой.» Атмосфера тепла, уюта, духа английской деревни – все было испорчено. Амалия подумала: «Не слишком ли много русских в Лондоне?» Прижимая к себе трех «мишек-тедди»,

девочка с благоговением смотрела на балерину. У дверей своего дома Амалия столкнулась со своим другом из Москвы.

Банкир был её давним знакомым. Дружили ещё их родители. Дмитрий помнил Амалию маленькой девочкой, которую угощал конфетами и защищал от злого бульдога во дворе. Маленькая девочка выросла, стала балериной, но в сердце каждого из них осталось немного детской привязанности брата и сестры, которые никогда не оставят друг друга при сложных жизненных обстоятельствах.

Амалия, казалось, совсем не удивилась его появлению. «Привет, ну проходи, Дима, что ты стоишь.» «Квартиру покажешь, Маля?! – как было приятно, что кто-то её так, как в детстве, называл, так называли её родители, погибшие в автокатастрофе.

Квартира, которую Амалии удалось каким-то чудом купить была отменной: гостиная, две спальни и большая комната, отведенная под репетиционный зал с зеркалами и балетным станком. Племянница со своими «мишками» сразу убежала в свою комнату, насладиться чудесным приобретением.

«Кофе или чай?» – Амалия внимательно смотрела на Банкира, она понимала, что что-то случилось. Банкир ей был как брат, хотелось чем-то помочь.

«Мне тяжело!» – сказал Дмитрий. Как хорошо, что можно кому-то просто сказать «мне тяжело», подумал Банкир.

«Я могу что-то сделать для тебя?» – спросила балерина, больше она ничего не спрашивала.

«Я хочу у тебя оставить картины. Это очень ценные картины. Это Бакалович.»

«Конечно-конечно, квартира под охраной.» «Ты насовсем в Англию или как?» – Амалия всегда умела увидеть суть вопроса, хотя иногда выражалась коряво.

«Не знаю, как пойдет.» И вдруг, к ужасу Банкира, на глазах появились слезы, Амалия тактично вышла из комнаты. Слезы душили Дмитрия и медленно катились из глаз, он вспомнил о своей жене Аде. Но минута слабости прошла, и он снова стал казаться мужественным и жестким.

Они вместе повесили в репетиционной комнате одну из картин, другую с римлянками он почему-то решил взять с собой. Дмитрий понемногу успокаивался в атмосфере дружелюбия, которое умела создать Амалия.

«Как интересно, я буду репетировать и смотреть на римлянку с изумрудным браслетом на руке!»

«Как раз я репетирую балет «Драгоценности» в постановке Джорджа Баланчина.

Банкир, который видел этот балет в Большом театре вместе с Адой, снова впал в глубокую задумчивость.

«Ну я пойду?» – сказал он. Амалия не задавала никаких вопросов о том, когда он будет в следующий раз, и на какое время у нее остается картина. Она считала, что не должна ничего спрашивать. Все идет так, как идет.

Глава 3 Дмитрий в Кантенбери

Дмитрий стоял перед готическим собором в Кантенбери и тупо смотрел на это невероятное сооружение. Готическая красота не поражала и не восхищала банкира. Наоборот, он понимал, что жить рядом с этим великолепием он не сможет. Он привык восхищаться, радоваться и горевать в каких-то определенных пределах. Все сверх предела пугало его, вызывало панику и отторжение. Собор был виден из любой точки города. Особняк, который Дмитрий приобрел не глядя, был недалеко от Собора. Банкир достал из кармана бумажку с адресом. Посмотрел на небольшую по размерам карту города, которую он купил, сойдя с поезда, и направился вдоль

по узкой улочке. Через десять минут банкир был у цели. Дом, который был указан в адресе, был старым особняком красного кирпича в викторианском стиле, увитым плющом.

Дмитрий постучал дверным молотком и приготовился долго ждать, через минуту ему открыла дверь опрятная пожилая женщина. «Да, сэр?» – вопросительно сказала она. «Я Дмитрий Рогозин из России – владелец этого дома» – по-английски грамотно, но немного волнуясь сказал банкир.

Женщина поклонилась, сказала, что она бывшая экономка, живущая в доме до передачи прав и ключей новому хозяину. Дмитрий кивнул и вошел в дом.

Первая ночь в доме показалась Дмитрию ужасной. Он с трудом заснул на большой кровати с балдахином. Спальня была на втором этаже, чистое постельное бельё усиленно пахло лавандой. Иногда Дмитрию казалось, что он лежит посреди лавандового поля где-нибудь на юге Франции.

Но если запах действовал на банкира нейтрально, то всю ночь ему слышались какие-то скрипы, может быть даже стоны. Ткань балдахина над ним немного покачивалась, хотя не было никакого движения в комнате.

С утра, оставшаяся экономка, пожилая женщина лет семидесяти пяти, подала ему завтрак. На завтрак предлагалась – яичница с беконом, кофе и круассаны.

«Надо же-думал Дмитрий- «как в средней европейской гостинице.»

«Я хочу осмотреть дом»– сказал он экономке миссис Твинс. «Конечно, сэр»– засуе- тилась она. Твинс проявила завидную проницательность спросив- «Вы хотите оставить дом или продать его?»

Но Дмитрий ещё и сам не знал ответа на этот вопрос. Находясь здесь, в английской глу- бинке, он чувствовал себя в безопасности, но старый кряжистый дом вызвал в нем сильные ностальгические воспоминания.

Дом был большой. На втором этаже пять комнат выходили в узкий коридор. На первом этаже были одна большая гостиная, кабинет, спальня и кухня.

Дмитрий быстро сообразил, что количество комнат на втором и первом этаже разнятся. Он стал бегать по лестницам, что-то измерять, что-то продумывать и, наконец, нашел дверь, закрытую старым французским гобеленом. Экономка долго искала ключи, и вот, дверь была открыта.

На банкира пахло затхлостью, старым запахом сандалового дерева и еще чем-то непо- нятным.

Это была большая, метров сто, кладовая со старой мебелью, резным деревянным индий- ским слоном, различной национальной индийской утварью.

Вообщем, все в колониальном стиле.

«Отец недавнего владельца служил в Индии, в Бенгалии»– сказала экономка.

«Как интересно»– ответил банкир. Все это нравилось Дмитрию гораздо больше готи- ческого собора. Все было спокойно, ничто не волновало душу своим великолепием или без- образием.

Колониальные предметы почему-то успокаивали.

Он долго копался в старой мебели, нашел много редкостей. Остался очень доволен. Все это теперь принадлежало ему.

Знакомство банкира с домом состоялось.

Такой большой дом предполагал наличие женщины в доме и, возможно, детей. Банкир задумался о своей жене.

Дмитрий сидел на скамейке в Гайд-парке. Скамейка была достаточно высокой и банкиру хотелось, как в детстве сидеть и болтать ногами.

Куда-то ушло напряжение предыдущих дней после приезда, страх, ощущение собственной никчёмности, неизвестность.

Хотелось просто жить, болтать ногами, сидя на скамейке, отдохнуть, завести новых друзей и, наконец, повесить где-нибудь картины.

Его бизнес забирали, его банк «банкротили», и было понятно, кто и зачем.

Сейчас Дмитрий осознал, как хорошо, что он делал накопления; не кутил в Ницце, не сорил деньгами в Италии, не отрывался на зимних лыжных альпийских курортах.

На настоящий день он имел два многомиллионных счёта в двух английских банках и небольшое поместье в Кантенбери, которое купил на спор со своим другом, не глядя.

Неожиданно на скамейку к Дмитрию села пара иностранцев среднего возраста. «Португалыцы» – подумал банкир. Женщина с лицом редкой красоты, но со следами усталости от тягот жизни и, видимо, от постоянных наблюдений за собой ревнивца-мужа. Мужчина – обычный знойный брюнет латиноамериканского типа, который сразу посмотрел, обратил ли внимание Дмитрий на его красавицу-жену.

Банкир внимательно смотрел в сторону. Мужчина расслабился и быстро заговорил с женщиной по-португальски. Дмитрий краем глаза внимательно наблюдал за ними. Женщина была хороша, немного полновата, но хороша. Тонкие креольские черты лица, черные волосы, яркие губы. Внешность настолько яркая, что ей не нужна косметика.

Пара начала разговаривать на повышенных тонах и, Дмитрий решил уйти.

Они познакомились странно – дизайнер и журналист. Дизайнер Серж Делонжи, стоял на мосту Grand Kanal в Венеции и думал, что уж отсюда-то его вряд ли достанут или вряд ли вообще найдут.

Решение пришло быстро, проиграв последнее, что было, а именно, старинный венецианский дом-палаццо, Серж побежал на Grand Kanal.

Его бабушка, русская танцовщица из группы Сергея Лифаря из «Русских сезонов» Дягилева вышла замуж за знатного венецианца.

Мать, вечно больная мигренью красавица, отец, чей след затерялся где-то в Америке, и он Серж Делонжи, проигравший в карты все, даже старинный наследственный дом – все это прокрутилось в голове, как кадры из хроники.

Голубая лагуна ласково манила его вниз. Он подготовился к прыжку, зачем-то снял часы, положил их на мостки, поднял руки вверх и вдруг почувствовал, что какая-то петля захлестнула руку. Он упал. Вдруг услышав по-русски: «Идиот. Придурок. Что делает? А?»

Серж подумал: «Действительно, что это я делаю?» «Что это я делаю здесь?»

Журналист, спецкор из России, а это был именно он, длинным черным шарфом набросил петлю на руку Сержа, и тем самым спас его.

«Ну и зачем ты это сделал, дурак?» – спросил дизайнер.

«А ты зачем хотел это сделать, ненормальный?» – ответил спецкор. «Кто ты?» – спросил Серж.. «Я – специальный корреспондент SBS из России. А ты почему так знаешь русский? Ты, вроде, итальянец.»

Да, Серж Делонжи был русским по матери и бабушке, но итальянцем по отцу.

Уже два часа, сидя в пиццерии, он рассказывал спецкору историю своей жизни.

«Слушай, послушай меня» – вдруг закричал Серж, отодвигая ароматную пиццу.

«Я придумал, я был в плохом состоянии и многое забыл»-

Снова заговорил он. «Ты о чем?» – растерянно спросил журналист.

«Счет, у меня есть счет, на всякий случай, который сделала мне моя мать. Я все отыграю обратно!»

«А если ты проиграешь?» – опять сказал журналист.

«Нет-нет, я верю. Видишь, ты спас меня от смерти. И все должно получиться у меня.»

«Скажи мне. Серж. У меня есть одна тема, интересующая меня. Что такое черная аристократия Венеции?»

Дизайнер слегка побледнел и сказал- «Зачем тебе? Это непростая тема и может быть даже опасная».

Журналист и Серж договорились, что дизайнер позвонит ему, как будут обстоять его дела с игрой.

В конце дня, захлебываясь от радости, дизайнер сообщил журналисту, что он отыграл свой палаццо.

Он приглашал журналиста посетить его старинный дом и объяснил, что есть два входа, с воды и с узенького переулка на суше.

Прошло два часа и, журналист, блуждая с картой, наконец, нашел этот палаццо.

Но что это? У дома стояли две полицейские машины. В переулок было не войти. Около переулка бегал мальчик с газетным листком.

Он кричал – «Убили. убили владельца палаццо. Убит дизайнер Серж Делонжи два часа назад.»

Потрясенный журналист купил газетный листок у мальчика и быстро отошел в сторону.

Глава 5 Ада

Ада Чердынцева сидела на лестнице в большой двухэтажной квартире, принадлежащей ей совместно с банкиром, и думала.

Надо сказать, что думала Ада не часто, вернее задумывалась о каких-либо проблемах. Сейчас, когда к ней приходили какие-то люди и сообщали, что её муж, Дмитрий Чердынцев сбежал за рубеж с большой суммой денег, Ада не поверила. Банкир был и так достаточно обеспеченным человеком, чтобы прихватить ещё чужое и уж тем более убежать.

Но его телефон не отвечал, и она решила написать ему на тайный никому не известный адрес электронной почты.

Ада оделась, наложила макияж, вышла из дома, села в машину и долго кружила по Москве, всматриваясь вдаль.

Наконец, она решила, вышла из машины и вошла в здание торгового центра «Элита». Там она осмотрелась и быстро нашла зал с компьютерными играми. Оттуда Ада отправила Дмитрию письмо следующего содержания: «Расплатись с теми, кому должен. Иначе меня не выпустят из страны. Ты сорвешь мою поездку. Ада.»

Дмитрий получил письмо сидя за обедом в своём доме в Кантенбери. Он недовольно поморщился, вскочил из-за стола и стал мерить шагами столовую. Миссис Твинс стояла за стеклянной дверью с суповой миской и не знала подавать суп или нет. Старинная фарфоровая миска была тяжелой, через отверстие для ложки шел ароматный дух горячего томатного супа.

Дмитрий вспоминал как калейдоскоп событий всю свою жизнь с Адой. Она была высокой темноволосой женщиной с голубыми глазами. Ада происходила из семьи известных полярных исследователей, потомков Амундсена.

Она была холодноватой ко всему, даже к нему Дмитрию. Не выражала бурных эмоций, у неё, казалось, отсутствовали сильные чувства. Она поразила Дмитрия какой-то непохожестью на других и великолепно каталась на горных лыжах.

Единственно, когда Ада оживлялась необыкновенно, это было время, когда они гуляли зимой или в зимних поездках.

Когда Ада смотрела на снег, её тонкое лицо расцветало. Оно белело, появлялся нежный розовый румянец, ноздри трепетали.

«Это было чувство-с горечью думал Дмитрий-«чувство снега».

Самые счастливые поездки с ней были в Исландию и Гренландию. Вид айсбергов около Гренландии завораживал её, вид белых медведей радовал и удивлял. «Ах, если бы можно было здесь остаться»– говорила она. Он думал, что она шутит. Сейчас он понимал, что она не шутила.

«Она написала о поездке»– думал Дмитрий «Конечно, это – поездка к берегам Антарктиды.

Корабль должен был отчалить от берегов Чили и курсировать около побережий шестого материка. Они узнали об этом три года тому назад, и вот она без него решила поехать.

«Муж в Англии» – думал Андрей – «или вообще неизвестно где, а она – к Антарктиде!»

«Разведусь, разведусь с ней» – с горечью думал он.

На тарелку упали первые капли томатного супа.

Глава 6 Встреча на теплоходе

Ада стояла на палубе теплохода, который час назад отплыл от берегов Чили. Пока равнодушная ко всему, она стояла, замкнутая в себе. Одетая она была тепло, так как воды океана около чилийских берегов в любое время года очень холодны.

Дул резкий, прохладный ветер, людей на палубе почти не было. Только двое мужчин разговаривали недалеко от неё. Один отчаянно жестикулировал, видимо, доказывая что-то. Другой, высокий, ещё достаточно молодой, стоял неприступно и надменно.

Фуентосу, а один из мужчин, был именно он, отчаянно надоела болтовня его соседа по каютам, коротышки Лопеса. Он давно бы ушел к себе, но женщина, стоящая на палубе, заинтересовала его.

Он представился ей как полярный исследователь. В восторге друг от друга, они разговаривали два часа без перерыва на палубе корабля, любуясь видами начинавших показываться небольших айсбергов.

Ещё через два часа Ада проснулась в каюте полярника Фуентоса.

Сначала присев на кровати, она не понимала, где она и, что происходит. Фуентос спал, улыбаясь во сне счастливой улыбкой.

«Невероятно» – думала Ада. «Как все быстро получилось. Так не бывает».

Ада никогда не была так счастлива. Наверное, просто она нашла своего человека.

--

Судно подплывало к берегам Аргентины. Ада волновалась, она давно хотела побывать в Аргентине.

Им сообщили, что корабль будет находиться в этой стране неделю. Необходимо было дозаправиться, докупить продовольствие, чтобы отправиться пусть в развлекательную, но все же экспедицию к айсбергам около Антарктиды.

«Давай снимем один номер» – предложил Фуентос Аде. «Нет, лучше два номера, так будет интересней» – сказала Ада.

«Ну два, так два» – подумал Фуентос.

В результате они сняли номера в одной из лучших гостиниц города, которая была заполнена путешественниками с их судна.

Проезжая на такси по городу, Ада увидела афиши с изображением человека с саксофоном. На афише было написано «Джазмен Энцо Муссолини. Концерт».

Энцо Муссолини сидел в своей гримёрке и отдыхал перед вторым отделением концерта. Он особенно любил концерттировать в Латинской Америке. Там его имя – Муссолини мало что кому говорило. Энцо воспринимали только как прекрасного джазового музыканта, профессионально владеющего своим инструментом. Находясь уже в приличном возрасте, Муссолини прекрасно выглядел и отлично владел саксофоном и скрипкой.

Чтобы хорошо выглядеть, он каждый день тренировался по часу. Это была силовая гимнастика с гантелями и бег на «дорожке». Когда он находился в Италии, то, конечно, он ещё плавал в собственном бассейне.

Родина не любила отпрыска Бенито Муссолини. Только виртуозное владение музыкальными инструментами немного примиряло его с итальянцами. Он вспомнил о своей вилле, построенной полностью на заработанные им деньги. Недвижимость Бенито Муссолини после войны была вся конфискована.

Его отец, ранее глава Италии, был расстрелян, а потом повешен за связь с Третьим Рейхом.

Ада и её спутник буквально ворвались на концерт Муссолини с большим опозданием. Как раз только начиналось второе действие.

Фуентос успокаивал: «Не торопись, Ада, не торопись.»

Ада отвечала «Фуентос, мы и так сильно опоздали!»

Второй страстью Ады после снега был джаз. Ей казалось, что джаз был самым абстрактным из всех музыкальных жанров.

А она любила абстракцию и недосказанность.

«Ты выйдешь за меня?» – спрашивал Фуентос.

«Но ведь это очевидно» – говорила Ада.

«Очевидно, да? Или очевидно, нет?» – спрашивал он вчера вечером. Ада удивлялась, ей казалось, что все уже и так ясно и понятно.

Глава 7 Иезуитский монастырь

Мальчиком в тринадцать лет Энцо Муссолини попал на обучение в иезуитский монастырь в Падуе. Поскольку он был сыном известного в то время человека, Энцо пользовался определенными привилегиями в иезуитской школе. Его совсем не заставляли чистить рыбу и овощи на кухне монастыря, как других мальчиков. Но вставал он на утреннюю молитву в пять утра, он также, как и другие.

Монахи всячески привлекали его к музыке и старинным музыкальным инструментам. Иезуиты обладали большой коллекцией скрипок и альтов великих мастеров, таких как Амати, Гварнери и Страдивари.

Энцо с детства научился держать в руках Амати, с её мягким звуком, больше подходящим ребёнку, чем взрослому, а затем и Страдивари с её роскошной исполнительской мощью.

Наблюдая за Энцо Муссолини, монахи не заставляли его усердствовать в чтении молитв и переписке старинных рукописей.

«Пусть вырастет, а там посмотрим!» – потирая руки думал аббат-приор монастыря.

Он предвкушал концерты иезуитского ордена в ряде стран Европы, понимая, что в этом долговязом подростке сидит дух великого маэстро музыки.

В огромном внутреннем зале монастыря был установлен орган. Когда первый раз Энцо услышал звуки органа, он испытал сильнейшее душевное потрясение, сродни тому, когда он узнал, что он- сын крестьянки из Тосканы и дуче итальянской нации – Бенито Муссолини. Муссолини признал его и дал мальчику свою фамилию.

Орган зазвучал в крови и сердце Энцо больно, но сладостно, ударяя его звоном в висках. Первое звучание органа – это была радостная мука познания мира через музыку.

Энцо понял, что ему надо быть музыкантом, чтобы донести то, что он испытал до других и также ранить их. «Люди должны понимать, что все, что они делают ничто перед музыкой» – думал он.

Иногда падуанское иезуитское общество принимало участие в концертах на праздниках города.

Когда играл Энцо Муссолини, девочки и женщины города кидали цветы на сцену со слезами восхищения, но почему-то это мало трогало Энцо.

Он понимал, что он выше этого, он знает что-то, чего не знают они. Это была его тайна. Его господство над миром.

Глава 8 Вилла Торлония Муссолини и Бакалович

Вилла Торлония была окружена оливами, итальянскими кедрами и приморскими лиственницами настолько плотно, что её даже не видно было с дороги, единственной дороги, по которой был возможен въезд на виллу.

Классический и величественный вид здания всегда нравился Муссолини. В 1921 году князь Торлония передал виллу в аренду Дуче за символическую плату – одну лиру в год. Муссолини вынудил князя сделать это. По сути, виллу экспроприировали, но князь понимал, что все могло быть намного хуже.

Торлония хорошо охранялась. Через каждые десять метров на дереве или в зарослях кустов прятался сквадроне – чернорубашечник, член боевого отряда фашистов. У дверей стояли до зубов вооруженные шесть человек охраны. На окнах на нижнем этаже были решетки.

Вилла Торлония имела бункер Муссолини – бетонированный подземный ход, по которому можно было пробраться от виллы в центр Рима или в лес.

Подземный ход был разветвленный, ранее его использовали ещё древние римляне. Разветвление хода на выход в лес было заделано для безопасности Дуче.

Однажды через небольшое ответвление именно от этого подземного хода в бункер проник участник итальянского сопротивления Луиджи Ванотца.

Он случайно узнал о входе в бункер как раз, находясь в лесу, он увидел, как из тайного хода у большого дуба выходит какой-то человек и убегает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.